

ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ РОМАНА «ПЕТРОВЫ В ГРИППЕ И ВОКРУГ НЕГО» (СТИХОТВОРЕНИЕ Н. ГУМИЛЕВА «ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ТРАМВАЙ» И РОМАН А. САЛЬНИКОВА)

NATALIJA D. STRELNIKOVA

THE EXPERIENCE OF READING THE NOVEL "PETROVS IN THE FLU AND AROUND IT" BY ALEXEI SALNIKOV
AND THE POEM "THE TRAM THAT LOST ITS WAY" BY NIKOLAY GUMILYOV



**Наталья Даниловна
Стрельникова**

Кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка

► tashastrel@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ»

Ул. Профессора Попова, дом 5

Natalija D. Strelnikova

Electrotechnical University "LETI"

Professor Popov street, 5

Статья посвящена интерпретации романа А. Сальникова. «Петровы в гриппе и вокруг него» рассматривается как роман-путешествие, трансцендентальное путешествие души, чтобы понять себя и осознать цель пребывания в этом мире. В статье предпринимается попытка прочтения романа А. Сальникова сквозь призму стихотворения Н. Гумилёва «Заблудившийся трамвай». При сопоставлении разножанровых произведений поэта и писателя ключевыми образами-символами стали трамвай и троллейбус. Именно эти виды транспорта оказываются мистическими перевозчиками героев Гумилёва и Сальникова в иной мир. Действие баллады и романа разворачивается в двух пространствах, одно из которых связано с потусторонними странствиями души. Роман о Петровых начинается с поездки в троллейбусе, в котором случаются странные встречи и неожиданные сюжетные повороты. Трамвай, появившийся в начале XX века, стал характерной приметой времени 20-30-х гг. и нашёл своё отражение в прозе и поэзии XX века. Наиболее ярким воплощением этого образа является баллада Н. Гумилёва. Если трамвай в самых разных текстах (Булгаков, Пастернак) связывается со смертью, то лирический образ синего троллейбуса имеет иную семантику и вписывается в другой контекст. Он воспринимается как знак эпохи «оттепели», место преодоления душевной боли, связывается с понятием единения и взаимопомощи и ассоциируется прежде всего с именем Б. Окуджавы. Сопоставление двух текстов позволяет по-новому взглянуть на роман Сальникова, хотя предложенный вариант прочтения не является единственно возможным.

Ключевые слова: троллейбус, трамвай, грипп, абсурд, переправа, АИД.

The article is devoted to the interpretation of the novel "Petrovs in the Flu and Around It" by Alexei Salnikov, which is viewed as a travelogue novel or a transcendental journey of a soul trying to understand itself and realize the purpose of its being in this world. The author attempts to read Salnikov's novel through the prism of Nikolay Gumilyov's poem "The Tram That Lost Its Way". When comparing the works of different genres written by the poet and by the writer, the tram and trolleybus became the key symbolic images. It is these types of transport that turn out to be the mystical carriers of Gumilyov's and Salnikov's heroes to another world. The ballad and the novel are set in two spaces, one of which is associated with the otherworldly wanderings of the soul. The novel about the Petrovs begins with a trip in a trolleybus, where strange encounters and unexpected plot twists occur. The tram, which appeared at the beginning of the 20th century, became a characteristic sign of the times of the 1920s – 1930s; it and was reflected many times in prose and poetry of the 20th century. The most striking embodiment of this image is

Gumilyov's ballad. In some texts (Bulgakov, Pasternak) the tram is associated with death, but in other works (Okudzhava) the lyrical image of a blue trolleybus has a different meaning and belongs to a different context. It is perceived as a sign of the "Thaw" era, as a place helping to overcome mental pain, and is associated with the concept of unity and mutual assistance. Comparison of the two texts allows to take a fresh look at Salnikov's novel, although the proposed reading option is not the only possible one.

Keywords: trolleybus; tram; flu; absurdity; ferriage; Hades.

Роман А. Сальникова, впервые напечатанный в 2016 г. в журнале «Волга», отдельной книгой вышел в 2018 г. и сразу привлёк внимание читателей. Действительно, точно найденное название, отражающее болезненное состояние героев, — удачная метафора, переходящая в символ: то, что с нами происходит сейчас. «Петровы в гриппе и вокруг него» — книга, которая до сих пор находится на пике популярности и неослабевающего интереса со стороны критиков, продолжая порождать всё новые толкования и интерпретации. Например, Е. Шульман и О. Прохорова считают, что Сальников написал «роман о покойнике» [Шульман, Прохорова 2018]. Авторы убедительно аргументируют свою мысль, приводя многочисленные доказательства. Трудно не согласиться, например, с тем, что если вторая глава — «Сны Петрова» — начинается со слов: «Петров *очухался* засветло, сначала ему показалось, что его *разбудила* тишина» [Сальников 2018: 55], причем, просыпается Петров в катафалке, не чувствуя своего тела, то, вероятно, речь идёт не о живом человеке. «Если Петров действительно умер вначале, то все последующее действие романа — это мытарства его души <...> Петрова выпускают из ада пожить, и делает это сам Аид, потому что благодарен за сына своего. <...> Он может отпустить Петрова, как он отпускает Орфея <...> его отпускают <...> — чтобы написал этот роман об аде» [Шульман, Прохорова 2018].

Реальность, фиксируемая Сальниковым, безрадостна, агрессивна и безумна до абсурда. Впрочем, «ад — это мы сами» [Довлатов 1993: 28], и эта мысль присутствует в «Петровых...». Роман Сальникова можно прочитать по-разному. Например, как книгу «об этой странной уродливой действительности, как писали критики позапрошлого века, которая душит и давит, не отпускает от

себя, и вырваться из которой нет сил. Об “окружающих существах”, как говорит Петрова, аборигенах этого мира, которые мало напоминают людей. И о писательских исключительных, “супергеройских” амбициях, столь же страстных, сколь и тщательно замаскированных. Ну, и о звере, притаившемся в человеке» [Александров 2018].

В романе можно выделить два плана повествования: один из них связан с потусторонними странствиями души главного героя, другой представляет собой фантастически-реалистические картины жизни и быта современного Екатеринбургa и Екатеринбургa детства героя. Такая трактовка вызывает аллюзию с романом М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Прочитав историю маскарадного костюма с головой и без головы как отсылку к эпизоду с украденной из гроба головой Берлиоза, которого переехал трамвай, Е. Шульман и О. Прохорова продолжают сопоставление романов: «А Петров едет на троллейбусе, а где троллейбус — там трамвай рядом. Вспомним, что именно в троллейбусе Маргарита слушает историю об украденной голове Берлиоза» [Шульман, Прохорова 2018]. В итоге подобных рассуждений авторы статьи приходят к заключению, что «Петровы в гриппе и вокруг него» есть новый вариант романа «Мастер и Маргарита».

Роман о Петровых начинается с поездки в троллейбусе, в котором всегда случаются странные встречи, образ *троллейбуса* в романе Сальникова чрезвычайно значим. Действие спектакля по роману, премьеры которого состоялась в январе 2019 года в Гоголь-центре в Москве, происходит в троллейбусе. По замыслу режиссёра А. Фёдорова салон троллейбуса то становится читальным залом библиотеки, то превращается в квартиру Петровых. Одна из рецензий на спектакль называется «Троллейбус из другого мира» [Рутковский 2020].

«Петровы в гриппе...» — роман-путешествие, но не обычное, а трансцендентальное путешествие души, путешествие к себе и в себя, в попытках разобраться, кто он и зачем пришёл в этот мир сейчас. Троллейбус же в этой мистерии становится транспортом-перевозчиком, медиумом, переносящим Петрова в иной мир.

Всё изложенное выше натолкнуло на мысль сопоставить роман А. Сальникова со стихотворением Н. Гумилёва «Заблудившийся трамвай» (1919/1920). Представляется, что существует прямая связь между этими текстами, а «Мастер и Маргарита» условно занимает промежуточное положение между ними.

Итак, начнём с тезиса: «где троллейбус — там трамвай рядом».

Лирический герой баллады Гумилёва, неожиданно для себя оказавшись на подножке летящего на скорости трамвая, совершает мистическое путешествие сквозь *бездну времён*, проносясь *сквозь рошу пальм/ через Неву, через Нил и Сену* [Гумилев 1988: 331], попадая в царство мёртвых, в иной мир. Он становится свидетелем своих прежних жизней и очевидцем собственной казни в прошлом. Трамвай оказывается мистическим перевозчиком, своего рода лодкой Харона.

В.Я. Пропп, рассказывая о разных видах переправы в иной мир в мифах и сказках народов мира, пишет: «Формы переправы сливаются, ассимилируются, переходят друг в друга <...> все виды переправы указывают на единую область происхождения: они идут от представлений о пути умершего в иной мир» [Пропп 1986: 202]. Связь между миром этим и тем осуществлялась медиумом-посредником: птица, конь или олень, лодка. «Полет героя на коне отражает другую фазу тех же представлений, что и езда на птице» [Пропп 1986: 210] и т. д. Переправа в царство мёртвых с использованием разных видов и способов передвижения является обязательным элементом процесса инициации, где инициация есть смерть-перерождение и освобождение от прежней жизни. Этот процесс происходит с лирическим героем «Заблудившегося трамвая» и с Петровым, героем Сальникова. Перед смертью-инициацией вся жизнь в виде отдельных ярких вспышек, фрагментов воспоминаний проносится в сознании иницируемого.

Почему Сальников выбирает троллейбус, а не трамвай, наравне с другими видами общественного транспорта функционирующий в Екатеринбурге? Для ответа на этот вопрос надо восстановить некоторую предысторию. Трамваи в России появились в начале XX века и сразу за-

воевали популярность. Новый вид передвижения занял определённое место не только на улицах городов, но и в литературе: появились образ трамвая, тема трамвая, миф о трамвае [Тименчик 1987: 135–143]. Трамвай становится одним из ключевых символов литературы 20-х гг. XX века. Наиболее ярким выражением темы стала, несомненно, баллада Гумилёва. Философское и *магическое*, как считал сам Гумилёв [Одоевцева 1988: 273], произведение, по жанру баллада, вмещает в себя много смыслов, рождает бесконечные ассоциации. Гумилёв обращается «к сравнительно редкому в литературе XX века средневековому жанру видения» [Спиваковский 2008]. По воспоминаниям И. Одоевцевой, поэт рассказывал, что «сразу нашёл первую строфу, как будто получил её готовой, а не сам сочинил» [Одоевцева 1988: 272], он «очень ценил “Трамвай”», считал «почти чудом», вызванным «сумасшедшим вдохновением», когда «все пятнадцать строк сочинены в одно утро без изменений и поправок» [Одоевцева 1988: 273].

Баллада Н. Гумилёва повлияла на М. А. Булгакова и на Б. Л. Пастернака [Ичин 1991]. В обоих случаях этот популярный вид транспорта связан со смертью: трамвай отрезает голову Берлиозу, в трамвае умирает Юрий Живаго.

«Вобрав в себя многие черты предшествующей культурно-бытовой феноменологии трамвая, “Заблудившийся трамвай” надолго определил восприятие этого объекта городского пейзажа в отечественной словесности» [Тименчик 1987: 141]. Яркий образ гумилёвского трамвая вызвал целую волну *трамвайных* стихов (О. Мандельштам, В. Набоков, Б. Окуджава, Б. Ахмадулина, Вл. Соловьев, Ю. Кузнецов, Е. Винокуров, О. Чухонцев, А. Кушнер, Ю. Мориц, И. Уткин, Н. Коржавин, Б. Чичибабин, Э. Рязанов, Д. Самойлов, Я. Смеляков, И. Бродский и др.) [Бельская 1998] с различными по тональности вариациями. Для поэтов начала XX века трамвай был заметной приметой времени, необходимым элементом современной цивилизации. Трамваи сравнивались с животными, птицами, наделялись человеческими эмоциями, однако постепенно образ трамвая начинает растворяться вместе с уходящей эпохой.

Троллейбусы появились позже: в Москве — в 1933 г., в Ленинграде — в 1936 г., в Свердловске — в 1943 г. Этот относительно молодой вид транспорта не породил столь мощную литературу, как трамвай. Тем не менее, «Полночный троллейбус» или «Последний троллейбус» Б. Окуджавы, написанный в 1957 г., обессмертил *синий троллейбус* как знак эпохи «оттепели». Это стихотворение о спасении и поддержке, прежде всего, о взаимовыручке и преодолении душевной боли: *Когда мне невмочь пересилить беду, / Когда подступает отчаянье, / Я в синий троллейбус сажусь на ходу, / В последний, / В случайный.* Лирический образ *синего троллейбуса* имеет другую семантику, чем *красный трамвай*, и вписывается в другой контекст. Троллейбус, будучи аналогом трамвая, не ограничен рельсами, и потому символически далёк от семантики поезда, но рогами, как у оленя, устремлён в небо и связан с ним. Изменились звук и цвет. По сравнению с трамваем троллейбус почти бесшумен. В стихах Б. Окуджавы трамвай неизменно красный, например, в «Телеграфе моей души» (1959): *Лишь ползут из тишины, / Сердце разрывая, / Как извозчики войны, / Красные трамваи ...* Или в стихотворении «Красные цветы» (1963): *О, эти красные цветы / Я от земли их отрываю. / Они как красные трамваи / Среди полдневной суеты.*

В главе «Сны Петрова» герой сначала видит *синий троллейбус* вдали, затем садится в *пустую тройку*, заставляющую вспомнить поэму Н. В. Гоголя «Мёртвые души» и его *птицу-тройку*, одновременно ассоциирующуюся с «Заблудившимся трамваем» Н. Гумилёва. Заметим, что в отличие от мужа, Петрова предпочитает ездить на трамвае.

Стоит назвать ещё один текст, посвящённый образу *троллейбуса*. Это песня В. Цоя «Троллейбус (1985 г.): «Мое место — слева, и я должен там сидеть, / Не пойму, почему мне так холодно здесь, / Я не знаком с соседом, хоть мы вместе уж год, / И мы тонем, хотя каждый знает, где брод, / И каждый с надеждой глядит в потолок, / Троллейбуса, который идет на восток, <...>». Эта песня звучит в спектакле о Петровых по роману Сальникова в театре Гоголь-центр. Мотивы отсутствия *шофёра*, т. е. водителя, неизвестности *пути* являются

ключевыми, но троллейбус идёт, хотя *мотор заржавел*. Песня заканчивается оптимистически: *«Мы сидим, не дыша, смотрим туда, / Где на долю секунды показалась звезда, / Мы молчим, но мы знаем, нам в этом помог / Троллейбус, который идет на восток ...»*. Любопытно, что несмотря на столь разные стихотворения-песни Б. Окуджавы и В. Цоя, написанные соответственно в эпоху «оттепели» и во времена так называемого «застоя», между ними есть общее, а именно: некая сплочённость *пассажиров* в молчании и идея спасения, заключённая в коллективном движении в троллейбусе.

Наконец, учитывая время действия «Петровых...», канун Нового года, цветовую гамму и символику праздника, значимый образ Снегурочки, ассоциативную связь троллейбуса с оленем, *синий троллейбус* в контексте времени и места уместнее и эстетически гармоничнее, чем *красный трамвай*.

Итак, ключевым образом-символом, необходимым для понимания произведения в целом и позволяющим сопоставить разножанровые тексты Гумилёва и Сальникова, стали *трамвай* и *троллейбус*, функция которых — служить медиумом для связи мира живых с миром мёртвых. Необходимо также подчеркнуть, что тексты разделяет век, почти сто лет, но оба написаны в переломные исторические моменты, накануне ожидания глобальных перемен, поэтому центральным событием является *путешествие* и попытка предугадать, что дальше, *за перекрёстком*. Пребывание героя в пограничном состоянии между жизнью и смертью, сном и явью, живыми и мёртвыми, странствия его души, оглядывание на пройденный жизненный путь с выхватываемыми из памяти фрагментами воспоминаний — всё это происходит с Петровым. Странности в логике излагаемых событий, запутанный сюжет, призрачность, зыбкость, нарушенная хронология и временные пропуски в ткани повествования, как сознательно пропущенные звенья цепи в развитии рассказываемой истории, почти до самого конца романа не складываются в единый пазл.

Сквозным мотивом является мотив сна, а что есть сон как не пограничное состояние между жизнью и смертью, да и окно трамвая / трол-

лейбуса, за которым проносится жизнь героя, его прошлые жизни и ипостаси, представляет собой границу между двумя реальностями, двумя мирами, здешним и нездешним, потусторонним.

Оба текста — о путешествии внутрь себя, о познании себя истинного, себя другого, себя в различных ипостасях и ликах. Лирический герой Гумилёва совершает кругосветный полёт (Россия, Европа, Африка, Азия, Россия), вырвавшись за пределы земного пространства, соприкоснувшись со своими прежними жизнями, преодолев время. увидев живых и мёртвых «у входа / В зоологический сад планет» [Гумилёв 1988: 332]. Герой Сальникова тоже «заблудился» в себе, кто же он настоящий: автослесарь, писатель, автор комиксов, где граница между фантомами его воображения и реальностью? В этой связи мы согласны с догадкой Е. Шульман и О. Прохоровой о том, что и Сергей, и Петрова, и Петров-младший — это лики, ипостаси, маски, персонажи комиксов, сочиняемых Петровым, тёмное *подсознательное* несостоявшегося писателя.

Если герою Гумилёва, *заблудившемуся «навеки / В слепых переходах пространств и времён»* [Гумилёв 1988: 263] для возвращения к *собственному Я* необходим сумасшедший полёт на *трамвае*, похожем на огнедышащего дракона, то Петров может освободиться «от сырого бессознательного, которое порождает страшную хтонь» [Шульман. Прохорова 2018], только оказавшись за гранью жизни, пройдя посвящение-инициацию через смерть, поэтому кстати, роман разделён на 9 глав. Это 9 дней, в течение которых душа после смерти прощается с телом, но АИД / Аид отпускает его из царства мёртвых, чтобы он написал о *Петровых в гриппе*. Написал о том, что с ними и с нами, людьми, живущими сейчас, происходит сегодня. Написал, чтобы зафиксировать безумную реальность и сумасшествие торжествующего абсурда как очевидец.

Аид / АИД возвращает Петрову жизнь в благодарность за своего сына, само существование которого стало возможно благодаря бессознательному детскому движению Петрова четверть века назад. Здесь заключена важная мысль о связи всего сущего, о том, что ничто не исчезает

бесследно, о том, как незначительный поступок или словоможетотозваться вбудущемисовершенно непредсказуемым, казалось бы, образом повлиять на судьбу другого человека. Заметим: в стихотворении Н. Гумилёва «Рабочий» (1916), тематически связанном с «Заблудившимся трамваем», звучит та же мысль, пророчески и страшно: «*Пуля, им отлитая, просвищет / Над седою, вспененной Двиной, / Пуля, им отлитая, отыщет / Грудь мою, она пришла за мной. <...> Это сделал в блузе светло-серой / Невысокий старый человек*» [Гумилёв 1988: 260].

Композиционно повествование в обоих произведениях замыкается в кольцо, то есть авторы в конце возвращаются к началу. Лирический герой Гумилёва — с новым пониманием любви и обретением веры: «... *я никогда не думал, / Что можно так любить и грустить*» [Гумилёв 1988: 332]. Мэтр, Мастер, Поэт, пророчески видя своё будущее, заказывает *панихиду* по себе. Слесарю Петрову античным богом Аидом дан шанс стать, наконец, Писателем, что стало возможным после смерти-инициации, в которой умер слесарь и родился писатель. Последняя глава романа возвращает к первой.

Наконец необходимо иметь в виду, что «Заблудившийся трамвай» вбирает в себя ключевые моменты балладных сюжетов с их трагическими ситуациями героев, подвластных зловещей бесовской игре высших сил их жизнью. Вследствие этого скрытого, но напряжённого диалога с самыми значительными образцами русской и мировой баллад гумилёвское стихотворение приобрело архетипический, мифологический статус» [Ичин 1991]. В основе сюжета «Заблудившегося трамвая» несложно разглядеть «фантастические сновидения» баллад Э. По и Бодлера, а также заимствованные из сказки Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране Чудес» «темы путешествия в “иной мир” и мотив “снятия головы”, “палача”, “билета”, “вагона”, “машиниста” и др.» [Ичин 1991].

Рамки статьи не позволяют исчерпывающе представить весь спектр пересечений рассматриваемых произведений, тем более, подробно остановиться на мотивах, например, взаимоотношения язычества и христианства как некоего единого

комплекса и проанализировать отражение этих представлений в них.

Сопоставление стихотворения Н.С. Гумилёва «Заблудившийся трамвай» (1919) и романа А.Б. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» (2016) даёт возможность по-новому взглянуть на роман современного уральского писателя, лауреата премии «Национальный бестселлер» (2018), и найти в нём новые смыслы.

ИСТОЧНИКИ

Гумилёв Н. Стихотворения и поэмы. Сост., подг. текста и примеч. М.Д. Эльзона. Л.: Советский писатель, 1988. (Б-ка поэта. Большая сер.). 632 с.

Довлатов С. Собрание сочинений в трёх томах. Т. 1. СПб.: Издательство «Лимбус-пресс», 1993. 416 с.

Одоевцева И.В. На берегах Невы: Литературные мемуары/ Вступ. статья К. Кедрова. М.: Художественная литература, 1988. 334 с.

Сальников А. Петровы в гриппе и вокруг него. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. 411 с.

ЛИТЕРАТУРА

Александров 2018 — Александров Н. О романе «Петровы в гриппе». Психодиагностика. [Электронный ресурс] //URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/17200-petrovy-v-grippe-psihoanaliz> (дата обращения: 13.05.2020).

Бельская 1998 — Бельская Л. Как «заблудившийся трамвай» превратился в «трамвай-убийцу»? [Электронный ресурс]. URL: <https://gumilev.ru/about/219/> (дата обращения: 17.05.2020).

Ичин 1991 — Ичин К. Межтекстовый синтез в «Заблудившемся трамвае» Гумилёва [Электронный ресурс] // gumilev.ru/about/27/ (Дата обращения 16.05.2020).

Пропп 1986 — Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. 366 с.

Рутковский 2020 — Рутковский В. Троллейбус из другого мира [Электронный ресурс] // Радио Свобода URL: <https://www.svoboda.org/a/30391055.html> (дата обращения: 17.05.2020)

Спиваковский 2008 — Спиваковский П. У входа. Анализ стихотворения Н.С. Гумилёва «Заблудившийся трамвай» [Электронный ресурс]. URL: <https://gumilev.ru/about/270/> (дата обращения: 14.05.2020).

Тименчик 1987 — Тименчик Р.Д. К символике трамвая в русской поэзии. В сб.: Учёные записки ТГУ. Вып. 754. Тарту, 1987. С. 135–143.

Шульман, Прохорова 2018 — Шульман Е., Прохорова О. Антиписатель, антиписатель и очень хороший человек [Электронный ресурс]. URL: <https://gorky.media/context/avtoslesar-antipisatel-i-ochen-horoshij-chelovek/> (дата обращения: 14.05.2020).

REFERENCES

Aleksandrov 2018 — Aleksandrov N. O romane «Petrovy v grippe». Psihoanaliz. [About the novel by Petrov in the flu]. Available at: <https://www.colta.ru/articles/literature/17200-petrovy-v-grippe-psihoanaliz> (accessed: 13.05.2020).

Бельская 1998 — Bel'skaja L. How a lost tram turned into a killer tram. Available at: <https://gumilev.ru/about/219/> (accessed: 17.05.2020).

Ичин 1991 — Ichin K. Intertext synthesis in Gumilyov's Lost Tram. Available at: gumilev.ru/about/27/ (accessed: 16.05.20.)

Пропп 1986 — Propp V.Ja. The historical roots of the fairy tale. Leningrad, 1986. (in Russian)

Рутковский 2020 — Rutkovskij V. A trolleybus from another world. Available at: [// svoboda.org/a/30391055.html](https://svoboda.org/a/30391055.html) (accessed: 17.05.20)

Спиваковский 2008 — Spivakovskij P. At the entrance. Analysis of Gumilyov's poem «The Lost Tram». Available at: <https://gumilev.ru/about/270/> (accessed: 14.05.20)

Тименчик 1987 — Timenchik R.D. To the symbolism of the tram in Russian poetry. In: Uchjonye zapiski Tartuskogo Gosudarstvennogo Universiteta. vol. 754. P. 135–143. (in Russian)

Шульман, Прохорова 2018 — Shul'man E., Prohorova O. Anti-locksmith, anti-writer and just a good person. Available at: <https://gorky.media/context/avtoslesar-antipisatel-i-ochen-horoshij-chelovek/> (accessed: 14.05.2020).